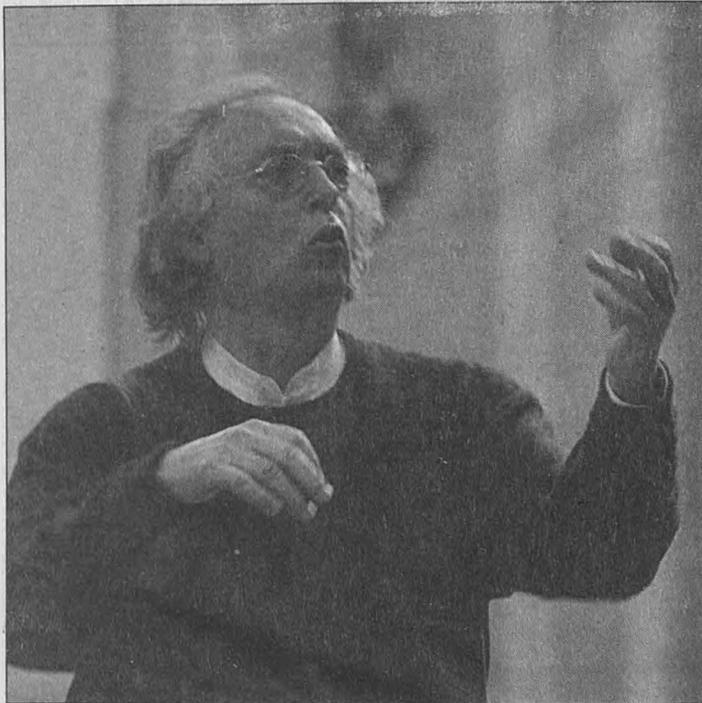

Культура. - 2004. -
29 апр. - 12 мая. - с. 13

Войти во вкус...

“Дни Баха” на Пасхальном фестивале

Ф. Херрвега на репетиции

“Дни Баха в Москве” (18 – 23 апреля) – небольшая, но заметная часть циклопической программы Пасхального фестиваля. Четыре концерта, три из которых были повторены в Ярославле, Твери и Нижнем Новгороде, представили Баха “русского” и “западного”, “сегодняшнего” и “вчерашнего”, в зависимости от вкуса и места жительства исполнителей.

Любопытным в этом отношении был первый концерт “Дней Баха” в Малом зале консерватории, где встретились музыканты разных стран и разных поколений (кстати, он прошел в рамках “Российско-германских культурных встреч 2003/2004”). В центре находилась взошедшая звезда – гобист Алексей Огринчук, щедро демонстрировавший уникальные игровые данные и умение лезть на инструменте. Правда, поет он не

как Чечилия Бартоли, предпочитая мощный-мощный звук и длинные-предлинные (насколько хватает дыхания) фразы, что плохо вяжется с баховским стилем. Впрочем, открывавшую концерт соль-минорную сонату Огринчук сыграл легким, светлым звуком, весьма стильно и приятно, но дальше громкость все прибывала, а партнеры-ансамблисты последовательно оттирились на задний план. В ариях из баховских кантат субтильное британское сопрано Джозан Ланн, казалось, произносила шестизначный комментарий к солидным тезисам гобоя.

Лишь многоопытная германская клавесинистка Кристина Шорнхайм сумела за себя постоять. Энергии и мастерства у нее в избытке, техническая стабильность феноменальная. Добавьте сюда вкус к разнообразию

– и будет нетрудно догадаться, что исполнение “Итальянского концерта” оказалось весьма захватывающим. Все же наиболее захватывающим стал последний номер программы, ради которого объединились все четверо участников концерта (четвертый – немецкий виолончелист литовского происхождения Юрис Тейхманис): ария “Войти во вкус любви...” из свадебной кантаты № 202.

Пожалуй, эти слова (“войти во вкус”) могли бы точнее выразить смысл “Дней Баха”, нежели формулировка из буклета (“по-новому взглянуть на творчество великого мастера”). Но в любом случае, идет ли речь о вкусе или о новом взгляде, все зависит от посредника, музыканта, который представляет нам Баха таким, каким он его знает. Увы, увы, в эти дни Бах чаще всего являлся москвичам как “сумрачный германский гений” – к стати, в соответствии с названием установочной статьи в фестивальном буклете.

Концерт Виктории Мулловой в МЗК начался с повышенного внимания к техническим обстоятельствам: отключению мобильных, устранению любительских звукозаписывающих устройств, открыванию и закрыванию окон и дверей... Технические вопросы так и остались на весь вечер в центре внимания. Муллова выбрала для “Пасхального фестиваля” партиты № 1 и 2 (со знаменитой Чаконой) и сонату № 2 для скрипки соло. К этим сочинениям чаще всего по справедливости прилагают эпитет “труднейшие”. Таковы они для скрипачей, а когда их играют в большом количестве – то и для слушателей.

Техника Виктории Мулловой вызывает уважение, и не меньшее уважение вызывает ее компетентность в вопросах исторического исполнения. Нотный текст прочитан с абсолютным почтением: каждая нота на месте, гаммы отчетливы, пассажи легки, ритм упруг, фразировка безупречна, эффекты светотени яркие, тембр инструмента временами меняется так поразительно, как это возможно лишь при смене органичных

регистров. Разве что танцевальные пьесы не слишком дансанти... Но при этом ответить на вопрос, как были интерпретированы соната и партиты – строго или свободно, традиционно или современно, риторически или гедонистически и т.п., – весьма затруднительно. Затруднительно также сказать, был ли это концерт, то есть исполнение музыки перед слушателями и для слушателей, поскольку Виктория Муллова обращалась исключительно к микрофонам и видеокамере. Возможно, то был некий этап студийной работы над DVD, на котором почему-то оказалось несколько сотен совершенно посторонних людей.

Бах пианиста Владимира Фельцмана, исполнившего в Большом зале консерватории шесть Французских сюит, – самый сумрачный и замкнутый Бах, обитающий в вечном “давным-давно”, однако требующий почтения. Этот Бах – “абсолютная икона” (как сказано в буклете), абстрактный и герметичный, гордо избегающий любых соприкосновений с жизненными реалиями, презирающий такие категории, как “прекрасное” и “изящное”, а заодно и такой чувственный предмет, как звуковая материя. Сие означает, что можно не заботиться ни об отделке звука, ни о разнообразии и соразмерности украшений, можно не доводить до вершины ни одной мелодической фразы в аллемандах и сарабандах, можно игнорировать изысканную полиритмию курант... Войдите-ка во вкус такого Баха!

Кульминацией фестиваля, как и предполагалось, стало исполнение “Страстей по Матфею” под управлением Филиппа Херрвега (он же Эрревег, он же Херрвеге, одним словом – Herreweghe) в БЗК при большом стечении заинтересованной публики. Возможность живьем услышать одного из крупнейших дирижеров-аутентистов во главе хора и оркестра “Collegium Vocale Gent” – само по себе событие.

Впрочем, все не так однозначно. Ведь для бельгийцев этот концерт –

лишь одно из многочисленных гострольных выступлений. Гости продемонстрировали в высшей степени профессиональную игру по всем правилам аутентизма. Все было, как говорится, up to date, возраст инструментов соответствовал эпохе. Присутствовал и подарок от организаторов фестиваля: в программке был помещен полный перевод текста “Страстей”, выполненный Михаилом Сапоновым совершенно в духе аутентизма – научная скрупулезность в сочетании с живым поэтическим языком. С другой стороны, все это великолепие вызывало крайне мало эмоций, особенно в первой части: внушительных размеров коллектив, к которому прибавился Хор мальчиков Академии хорового искусства, не совладал с акустикой БЗК. Вероятно, причина была в испорченности студии, когда ориентируются не на объем зала и уши сидящих в последнем ряду, а на микрофоны вокруг сцены.

Среди солистов по-настоящему хороши были только двое: тенор Марк Гэдмор, безукоризненно выстроивший драматургию стержневой партии Евангелиста, и бас Михаэль Фолле (Иисус). Остальные же выглядели бледно. Сопрано Анна Коронди, меццо Ингеборг Данц и тенор Стив Давислим – типичные “микрофонные” певцы, с маленькими голосами без намека на индивидуальную тембровую окраску, а баритона Томаса Бауэра ангажировали на партию баса, которая ему ни в какой степени не по голосу. Надо сказать, хористы “Collegium Vocale Gent” в эпизодических партиях выглядели куда ярче прилащенных солистов. Когда же во второй части “Страстей” “Collegium Vocale” оставил свою первоначальную индифферентность, войдя по-настоящему во вкус исполняемой музыки, все изменилось почти волшебным образом. Лучше поздно, чем никогда.

Анна БУЛЫЧЕВА

Фото Романа ГОНЧАРОВА